

Порочные удовольствия

Автор:

[Меган Марч](#)

Порочные удовольствия

Меган Марч

Passion. Обжигающая самбукаПорочный миллиардер #2

Книги с «перчинкой» любят все, просто некоторые это скрывают. Симпатию к романам Меган Марч скрыть крайне сложно, потому что это чистый восторг.

Хотите дозу адреналина? Читайте Меган Марч. А заботы подождут!

Меган Марч кардинально изменила свою жизнь, оставив должность юриста в международной корпорации. И все для того, чтобы создавать собственные истории о любви.

Ей это отлично удается! Миллионы читателей в 11 странах и статус автора бестселлеров The New York Times и The Wall Street Journal это подтверждают.

Меган Марч – настоящая кочевница. Она путешествует по миру с любимым мужчиной, который и вдохновил ее на творчество. Они оба считают себя романтиками и верят в «долго и счастливо». Собственно, романы Меган Марч именно об этом. А еще они полны горячих сцен, юмора и адреналина. Это, как говорится, «восемнадцать плюс плюс плюс».

Холли, честно говоря, до сих пор в шоке от собственного поступка – она поставила на кон все, выйдя замуж за Крейтона, властного богача, который, кажется, не привык считаться с чужим мнением. Но Холли не из тех девушек, кто привык подчиняться, к тому же их брак – обоюдовыгодная авантюра.

Авантюра, которая приняла весьма приятный оборот. Крейтон горяч, очень горяч; в такого, как он, трудно не влюбиться.

Но Холли знает, что подобные романы не длятся долго. Красивые и самоуверенные миллиардеры, как правило, надолго не влюбляются. Ведь так?

«Это идеальная история. Главный герой определенно завоюет ваше сердце».
Dirty Laundry Review

«Спасибо Меган Марч МИЛЛИАРД раз за Крейтона Караса! Этот мужчина невероятный». Goodreads reviewer

«Прочитать – и стать фанаткой Меган Марч на всю жизнь». Anas Attic Book Blog

Меган Марч

Порочные удовольствия

Книга 2

Meghan March

DIRTY PLEASURES(#2)

Copyright © 2015. Dirty Pleasures by Meghan March

Published by arrangement with Bookcase Literary Agency and Andrew Nurnberg
Literary Agency

Cover designer Hang Le

Перевод с английского Ольги Болятко

© Болятко О., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Глава 1

Холли

Жена миллиардера летит коммерческим рейсом?

Холли Викас, недавно вышедшая замуж за миллиардера Крейтона Караса, была замечена летящей коммерческим рейсом из Нью-Йорка в Нэшвилл, и наши источники утверждают, что она летела эконом-классом. Неужели в их раю уже не все в порядке? Можно было ожидать, что, владея тремя личными самолетами, миллиардер мог бы организовать более комфортную поездку для своей жены. Мы следим за событиями и сообщим вам, если у нас появится новая информация об этом союзе, потрясшем мир шоу-бизнеса.

На такси до аэропорта я потратила остатки своих денег, и мне повезло, что я получаю зарплату на следующей неделе, потому что билет на самолет, купленный в последнюю минуту, превысил лимит моей собственной кредитной карты. Я оставила мою новую кредитную карточку на кухонном столе в пентхаусе моего мужа на Пятой авеню.

Огромные солнечные очки скрывают круги под глазами и делают меня неузнаваемой. Мне показалось, что один парень пялился на меня слишком долго, но меня это не беспокоит. Я не настолько популярна. В этом городе много певцов, занимавших первую строчку в рейтингах, а у меня нет даже ни одного сингла, вошедшего в хит-парад. К тому же без сценического грима и с волосами, небрежно заплетенными в косу, я выгляжу как обычная девушка со Среднего Запада.

Я потягиваюсь, потому что у меня заболела спина от долгого сидения во время перелета, притом я сидела, крепко прижав руки к телу. По обе стороны от меня разместились тучные мужчины, от которых отчаянно пахло чесноком. Я подумывала над тем, чтобы поработать над песнями, но мне не хотелось шевелиться, не говоря уже о том, чтобы взять в руки блокнот и предоставить им возможность смотреть, чем я занимаюсь. Так что я сидела неподвижно, чем и объясняется моя затекшая спина.

В любом случае я была в таких растрепанных чувствах, что, вероятно, испортила бы все задумки, которые занесла в блокнот, пока ждала Крейтона. Я знаю, что одна из задумок была очень хороша, но все еще слишком сыра. Я пока еще не могу подобрать нужные слова, чему виной мое психологическое состояние.

Но есть и положительные стороны – я вернулась в Нэшвилл и, выйдя из раздвижных стеклянных дверей аэровокзала, вижу машину Таны, припаркованную у тротуара.

Окно в машине опускается, и Тана машет мне рукой.

– Тащи сюда свою задницу, пока меня не оштрафовали!

Я улыбаюсь, испытывая чувство облегчения оттого, что мое дерьмовое настроение начинает улетучиваться. Открыв дверцу, я сажусь в машину.

– Твой багаж потерялся? – спрашивает Тана, бросив взгляд на маленькую сумку, которую я поставила в ногах.

– Нет. Это все.

Ее брови ползут вверх.

– О нет, пожалуйста, скажи мне, что он заставил тебя ходить голышом, поэтому у тебя нет с собой никакой одежды, кроме той, в которой ты, наверное, накануне Нового года отправилась в Нью-Йорк.

Тане были известны все интимные подробности моего путешествия, и она была не согласна с моим решением не тащить с собой в Нью-Йорк ничего, кроме самой себя.

Я улыбаюсь, глядя на выражение ее лица.

– Никаких правил о хождении голышом. Просто... мне хотелось путешествовать налегке.

Ее брови принимают свое нормальное положение, а улыбка исчезает. Тана хмурится.

– Только не говори мне, что все это имеет какое-то отношение к тому, что твоя мать путалась со всеми мужиками в городе и позволяла им содержать себя.

Вот вам и вся радость иметь подругу, которая накачивает вас вином с тем, чтобы вы поделились с ней историей своей жизни. Но сейчас она не совсем права. Причины, по которым я покинула Нью-Йорк, гораздо важнее.

– Тана!

– Черт возьми, Холли. Я знала, что так случится. Я знала это.

Мне на самом деле не хочется говорить обо всем этом сейчас, потому что Тана намерена обсудить не только то, что случилось с Крейтоном, но и то, почему я так поступила. А я слишком переживаю из-за того, чтобы успеть на студийный

автобус, и не хочу подвергаться психоанализу, основанному на ее знании моего прошлого. Я люблю ее, но просто не могу сейчас говорить ни о чем. Так что я решаю сказать ей правду.

– Мы можем продолжить этот разговор, когда я не буду сходить с ума от страха опоздать на автобус? Я очень, очень хочу просто добраться до дома и собрать вещи, чтобы успеть на автобус и забыть обо всем, кроме музыки.

– Ты не опоздаешь на свой чертов автобус. Я довезу тебя до дома настолько быстро, насколько позволяет мощность моей машины. – Она бросает на меня быстрый взгляд. – Но тебе придется говорить, пока я веду машину.

Я вздыхаю, уставившись перед собой, пока Тана отъезжает от тротуара, помахав рукой охраннику, с подозрением смотрящему на ее машину. Она снова бросает взгляд на меня, прежде чем сосредоточиться на том, чтобы влиться в поток машин, едущих из аэропорта.

– Говори, женщина.

– Что ты хочешь, чтобы я сказала?

– Что твой муж знает, где ты сейчас, и что ты не сбежавшая невеста.

– Ха-ха. Я не сбежавшая невеста. Думаю, чтобы так называться, нужно успеть сбежать до того, как ты принесла клятву верности.

Она резко перебивает меня:

– Твой муж знает, где ты?

Машина замедляет ход, и я несколько мгновений молчу, уставившись на красную лампу светофора.

– Я оставила записку.

– И что ты в ней написала?

Мне следовало бы знать, что Тана не отстанет. У нее бульдожья хватка в том, что касается деталей. И если бы она не была моим ближайшим и, возможно, единственным другом, я сказала бы ей, чтобы она отвязалась от меня. Но вместо этого я говорю ей правду.

– Я написала «прощай».

Я говорю это едва слышно, потому что знаю, что сейчас последует словесное избиение.

Ее вопль, до странности мелодичный, заполняет салон машины.

– Почему ты это сделала? Он что, ударил тебя?

Я поворачиваюсь к ней.

– Нет! Конечно нет!

Не могу даже поверить, что такое пришло ей в голову.

Она бросает взгляд на меня, прежде чем тронуться с места.

– Тогда что случилось? Он миллиардер, так что, может быть, в нем есть что-то от этого извращенца Кристиана Грея[1 - Персонаж культовых эротических книг Э. Л. Джеймс «50 оттенков серого», «На 50 оттенков темнее», «50 оттенков свободы».]? У него есть Красная комната боли? О, бог мой, это правда? Он бил тебя? Хлыстом для верховой езды? Вот дерьмо. Это жесть...

Я закрываю лицо ладонями. Я даже не знаю, с чего начать, но мне нужно что-нибудь сказать, или она будет продолжать. Ее воображение разгорается. И видит бог, я не хочу, чтобы она попала в точку.

Но что я скажу ей в ответ? Он и вправду бил меня, и мне это нравилось. И потом... все остальное. Миллиардер-извращенец, это уж точно.

– Он не брал в руки хлыст для верховой езды, и у него нет Красной комнаты боли.

К счастью, мой ответ останавливает ее разгулявшееся воображение.

Покачивая головой, она говорит:

– Что ж, ты меня разочаровала. Значит, ты просто сумасшедшая? Кто уходит от миллиардера, просто написав ему «прощай»? И ничего не взяв с собой? Это настоящее сумасшествие, если я в этом что-то понимаю.

Я решаю, что правда – единственное, что я могу сказать в свою защиту.

– Послушай, ты знаешь, что я должна успеть на этот автобус, или я в полном дерьме. Я не могла дольше ждать, так что сделала то, что должна была сделать. – Я поворачиваюсь и смотрю на нее. – Я сделала именно то, что сделала бы ты на моем месте, то, что было лучшим для моей карьеры.

– Я прилетела бы на личном самолете, вот что я сделала бы. Детка, тебе следует научиться пользоваться в своих интересах всем, чем можешь.

Ее слова задевают меня, и я выкладываю ей всю правду:

– Ну, я не могла запрыгнуть в его самолет, потому что он попросту забыл обо мне. – По ее лицу я вижу, что она шокирована, но я продолжаю: – Да, все так и обстоит. Мой муж забыл обо мне. Сказал мне, что приедет вовремя, и не приехал. И он не просто не приехал, он не отвечал на мои звонки и сообщения. Так что я в конце концов связалась с его помощником и получила выговор. Вот что случилось. Конец истории.

– Вот дерьмо. Дорогая, прости. Это совсем не круто.

Сочувствие звучит в ее словах.

– Ну, не похоже, что я самая главная фигура на шахматной доске в его империи.

Тана бросает на меня быстрый взгляд, прежде чем свернуть на шоссе.

– Но, дорогая, ты же его королева. Я не сильна в шахматах, но разве не королева – самая главная фигура для короля?

У меня падает сердце.

– Полагаю, что для Крейтона главная фигура – он сам. И всем остальным ради короля можно пожертвовать.

У Таны вытягивается лицо.

– Прости, золотце. Это просто дерьмо. Значит, надо полагать, ты не собираешься звонить ему и говорить, что успела на автобус, несмотря на то что он не смог отвезти тебя на своем самолете?

Я задумываюсь. Если бы я была настоящей женой, я, вероятно, сказала бы ему, что успела вовремя. Но, честно, каков шанс, что Крейтон даже заметил мое отсутствие? Он не мог найти для меня тридцати секунд, чтобы ответить на звонок.

Но какая-то упрямая часть меня упорно держится за надежду, что, может быть, Крейтон позвонит мне. И что потом? Извинится за то, что подвел меня? Скажет, что скучает по мне? Что он летит ко мне, потому что не может жить без меня?

Каждое последующее предположение казалось невероятнее предыдущего.

Тана больше не задает вопросов и вскоре останавливается у моего дома. Он даже отдаленно не напоминает гигантский особняк за вычурной изгородью, в котором живет она. Но у меня еще все впереди.

Мой миллионный контракт с «Хоумгроун» показался мне ошеломляющим, когда я выиграла конкурс «Мечты Кантри», но этих денег хватит ненадолго, если посмотреть, сколько стоит выпустить альбом. Я часами репетирую, пишу, общаюсь с прессой, выступаю на радио и за все это получаю минимальную оплату. И в придачу к этому мой процент от продажи билетов и альбомов просто смехотворный.

И хотя это было разочарованием – узнать, на что я подписалась с таким наивным восторгом, меня это не беспокоит так сильно, как вы можете подумать. Большинство людей, которых я знаю и которые попали в этот бизнес не в результате телевизионных шоу, посвященных поискам талантов, жили в очень скромных условиях, прежде чем стали звездами.

Некоторые из них даже жили в машинах. Песня Джейсона Олдина «Сумасшедший город» основана на реальных событиях. Никогда не знаешь, улыбнется ли тебе удача, и если улыбнется, то когда это произойдет. Ты можешь потерять все в одну минуту, а в следующую – получить целое состояние. Это игра, в которую играем все мы и надеемся выиграть. И никто ни от чего не застрахован.

– Спасибо, что подвезла, дорогая. Ты знаешь, что я очень ценю твою помощь.

– Разумеется. Уверена, что не хочешь, чтобы я побыла с тобой?

Я качаю головой:

– Мне нужно просто быстро упаковать вещи и выяснить, где припаркован автобус. – Взглянув на часы на приборной панели, я обнаруживаю, что у меня осталось меньше часа. – Мне лучше поспешить.

– Хорошо, золотце. И ни пуха тебе, ни пера, слышишь? А когда этот мужчина приползет к тебе – потому что если он осознает, какую женщину заполучил, он сделает именно это, – дай ему шанс.

Я поворачиваюсь и пристально смотрю на нее.

– Дать ему шанс? Я думала, ты посоветуешь мне просверлить еще одну дырку в его заднице.

В голубых глазах Таны мелькает сочувствие.

– Ты не доверяешь людям, потому что постоянно вспоминаешь мать, но тебе пора понять, что ты – не она. Твоя жизнь будет такой, какой ты сама ее сделаешь. И я не перестану надеяться, что этот парень достоин тебя. Дай ему

шанс повалиться у тебя в ногах. Когда мужчина готов унизиться, потому что лучшее, что с ним случилось в жизни, поставлено на карту, его характер раскрывается полнее всего.

Я пытаюсь улыбнуться, но у меня это плохо получается.

– Полагаю, мы скоро увидим, готов ли он унизиться. – Я наклоняюсь и обнимаю ее. – Увидимся.

– Срази их всех наповал, золотце, – говорит Тана, и я вылезая из машины.

Глава 2

Холли

Я поправляю сумку, висящую у меня на плече, и поспешно поднимаюсь по лестнице. Первое, что я вижу, открыв дверь, – старый, потрепанный футляр моей гитары, который валяется под кофейным столиком.

Моя первая гитара. Я пожарила тысячи луковиц и наггетсов, чтобы купить ее в ломбарде. Мне потребовался почти год, чтобы накопить нужную сумму, а когда она у меня уже была и я пришла в ломбард, владелец предложил мне огромную скидку, если я соглашусь уединиться с ним в его офисе.

Я в ярости бросила купюры на стол, не опускаясь до того, чтобы торговаться с ним, и сказала ему, чтобы он дал мне чертову гитару, пока я не заявила в полицию, что он склонял несовершеннолетнюю к сексу. Но мне хотелось сделать гораздо больше. Мне хотелось схватить бейсбольную битку, лежавшую за прилавком, и разбить ему голову. И я ушла спустя несколько минут, унося мою самую первую гитару и не оглядываясь назад.

Теперь мне кажется, что это случилось миллион лет назад. Только посмотрите, сколько всего изменилось.

Я уже на полдороге из коридора в спальню, когда в сумке звонит телефон. Моя первая мысль – Крейтон. Рука дрожит, когда я достаю телефон.

Мое сердце, мое глупое сердце сжимается, когда я вижу, что сообщение пришло от менеджера.

Чанс: Где ты, черт возьми? Тебе лучше поспешить. Автобус скоро отъезжает.

Вот дерьмо! Я вбегаю в спальню, вытаскиваю из шкафа чемодан и кидаю в него трусики и бюстгалтеры. За ними следуют две пары лосин, несколько футболок и джинсы. И я готова.

Я отвечаю Чансу.

Холли: Я закончила собирать вещи. Уже бегу. Где автобус?

Увидев ответ Чанса, я морщусь.

Чанс: У БТ. Я оставил твое имя охранникам у входа.

Не хватало нового дерьма. БТ – это Бун Трэшер, главная звезда в нашей команде. Он живет не в модном районе за вычурной оградой, как Тана. Нет, он живет на задворках города, где он может стрелять по тарелочкам со своего крыльца, гонять на мотоцикле по заброшенной дороге, а его собаки могут бегать по округе и облаивать всех, кто попадется им на глаза.

Если я хочу прибыть на место вовремя, мне нужно поторопиться. Я уже бывала там однажды, когда он пригласил меня познакомиться с ним, прежде чем согласиться взять меня с собой на гастроли. Он хотел убедиться, что я – по его собственным словам – не нудная сучка, которая будет действовать ему на нервы. Мы отлично поладили после того, как я обыграла его в боулинг у него на цокольном этаже.

Мне уже пора было выбегать, когда снова зазвонил мой телефон.

Чанс: Хорошие новости. Он хочет отрепетировать тот дуэт, о котором вы говорили с ним перед Рождеством. Тащи сюда свою задницу и займись этим.

Я швыряю телефон на кровать и как следует бью кулаком по матрасу, прежде чем скинуть джинсы и рубашку, надеть чистую одежду и выбежать из дома. Этот дуэт с Буном означает, что я должна буду выйти на сцену во время его выступления и смогу почувствовать энергетику, исходящую от его поклонников, возбужденных и ликующих при виде его.

Что касается первого отделения концерта, я обычно выступаю перед полупустым стадионом, и зрители больше интересуются своим пивом, чем моей музыкой. Ну, за исключением поклонников, которые пришли посмотреть на меня.

Но так начинают все, напоминая я себе, и мне чертовски повезло, что я еду на гастроли вместе с Буном Трэшером. А дуэт? Это круто.

Я трачу тридцать секунд на то, чтобы освежить макияж и сунуть в сумочку туалетные принадлежности, прежде чем надеть поношенные черно-коричневые ковбойские сапоги, которые я купила себе на восемнадцатый день рождения. Это был четвертый день рождения подряд, на который мама не потрудились даже прислать мне открытку.

Отбросив эту мысль, потому что это был еще один пример того, о чем говорила Тана в машине, я хватаю свою куртку и направляюсь к двери.

Несмотря на дерьмовую репутацию, Бун славный парень. По-настоящему славный. Его миниатюрной, смазливой и чересчур распиаренной подружке повезло. Но, насколько я могу судить, она этого не осознает. Она настоящая сучка. Стопроцентная злобная и властная сучка, такая, какими бывают сучки в старших классах школы.

Но я никогда не скажу этого Буну. Эти губы не станут сплетничать. Одно неосторожное слово не тому, кому надо, и я пропала. Так что я держу свое мнение при себе. Мир музыки кантри не так уж отличается от старших классов школы.

Я закрываю дверь квартиры, сбегая по ступеням и поспешно иду к крытой стоянке, на которой стоит мой «Понтиак Файрберд» 1998 года выпуска. И да, я отлично понимаю: то, что было круто в 1998 году, теперь уже далеко не так круто. Что означает, что я купила его по дешевке, когда мой «Фиеро» 1988 года выпуска развалился на части как раз перед тем, как я вытянула счастливый билет на конкурсе «Мечты Кантри».

Полагаю, я могу купить машину поновее на те деньги, которые сейчас зарабатываю, но «Файрберд» все еще благополучно доставляет меня из пункта А в пункт Б, и я предпочитаю откладывать деньги на черный день. Если я чему и научилась в этом городе, так это тому, что все может измениться в один момент. Спустя тридцать пять минут я подъезжаю к воротам Буна, и из будки выходит охранник, похожий на кирпичный столб, и наклоняется к моему окну. Я открываю дверцу, потому что окно уже давно не открывается, и охранник улыбается.

- У меня та же проблема с моим «Гранд При». Чертов «Понтиак», - говорит он.

- Вы совершенно правы. Я Холли.

- Да. Я знаю, кто вы, милая. Они ждут вас. Автобусы уже здесь и готовы тронуться в путь.

Он отходит от машины и открывает ворота. Я закрываю дверцу и въезжаю в них. И правда, два автобуса уже припаркованы у дома, расположенного почти в миле от ворот. Я останавливаю машину рядом с гаражом и глушу мотор.

Мне нужно скорее найти Чанса, чтобы он сообщил, что я не опоздала, прежде чем кто-нибудь из руководства студии не начнет проверять это, рассчитывая снять меня с гастролей. Но не успела эта мысль прийти мне в голову, как сам Чанс стучит в мое окно и открывает дверцу.

- Тебе нужно поменять эту дерьмовую машину, детка. И почему, черт возьми, ты не отвечаешь на звонки?

Я смотрю на Чанса, нахмурившись.

- О чем ты говоришь? Я ответила на твои сообщения.

Он берет меня за руку и вытаскивает из машины.

- Ну, ты не отвечала, когда я пять раз звонил тебе, чтобы попросить купить по дороге бутылку виски. У нас уже все закончилось, и Бун хочет, чтобы мы купили что-нибудь в дорогу.

- Черт. Наверное, я слишком громко включила радио. А когда приходят сообщения, мой телефон просто вибрирует.

Я снова залезаю в машину, чтобы взять свою сумку и найти лежащий в ней телефон.

- Твой чемодан в багажнике? - спрашивает Чанс.

Я киваю, не глядя на него и продолжая заниматься поисками телефона, а он перегибается через меня, чтобы открыть багажник. К тому моменту, когда он достал мой чемодан, я уже начинаю паниковать.

- Где, черт побери, мой телефон? - бормочу я. - Он же был здесь.

- Да ну же, девочка, пошли быстрее. Мы не попадем в Сан-Антонио, если ты будешь продолжать стоять здесь и рыться в своей сумке.

Я вскидываю голову и с удивлением смотрю на него.

– Сан-Антонио? Я думала, что следующим городом будет Даллас.

Чанс качает головой:

– Нет. Вот почему мы решили выехать раньше. Бун в последнюю минуту подписался на благотворительный концерт, и ты включена в состав исполнителей. Даллас будет следующим после Сан-Антонио, так что это недалеко.

Бросив сумку на землю, я наклоняюсь и шарю между сиденьями, чтобы посмотреть, не завалился ли мой телефон туда. Чанс, явно раздраженный, набирает мой номер. Я жду, но не слышу ни звонка, ни вибрации.

– Вот дерьмо. Я, должно быть, забыла его в квартире.

– Нет времени возвращаться за ним, так что тебе придется попросить кого-нибудь заехать за ним и послать тебе его по почте. Я узнаю адрес отеля.

Я с шумом выдыхаю. Вот дерьмо! Я даже не уверена, что у меня есть номер телефона Таны, чтобы попросить ее съездить ко мне домой. Но готова поспорить, что у Чанса или у Буна есть ее номер. У этих двоих, похоже, есть номера всех телефонов в городе.

– Ты готова репетировать?

– Что? – спрашиваю я, потому что мои мысли все еще заняты телефоном.

– Дуэт. «Та девчонка». Бун хочет репетировать в автобусе, так что ты поедешь с ним. Я позаботился о том, чтобы у тебя там была гитара. А теперь давай, пошли.

Чанс за руку ведет меня к дому, чтобы я поздоровалась со всеми, прежде чем мы рассядемся по автобусам. И все мои печали оставляют меня, когда я начинаю перешучиваться с ребятами. А когда я оказываюсь в автобусе с Буном, я позволяю себе полностью погрузиться в мир музыки.

Глава 3

Холли

Спустя несколько часов, после бог знает какого количества выпитого виски, мы останавливаемся на перекур. Я бреду в свой автобус – тот, в котором изначально должна была ехать со своей группой и, возможно, с кем-нибудь еще, у кого нет своего автобуса. Никто так и не потрудился ознакомить меня со всеми деталями поездки. Но поскольку я ничего не решаю, я не теряю времени на размышления об этом.

В пьяной надежде, что я, возможно, плохо искала в сумке, я вытряхиваю все ее содержимое на кухонный столик.

Несколько тампонов. Около дюжины тюбиков помады и блеска для губ. Зажигалка – не знаю, откуда она там взялась, потому что я не курю. Мой бумажник. Ключи от машины. Блокнот для записи песен. Еще один блокнот, поменьше. Шесть ручек разных цветов. Два карандаша. Жевательная резинка. Обертка от жевательной резинки. Несколько мелких монет. Какие-то ниточки.

И никакого телефона.

Прежде чем выйти из автобуса Буна, я попросила Чанса дать мне номер телефона Таны, на всякий случай. Он написал его у меня на ладони и большими печатными буквами приписал «Позвони мне».

Я подхожу к водителю автобуса.

– Чез?

– Да, мэм?

– Я тебе уже раз десять говорила, зови меня Холли. – Честно говоря, я просила его об этом больше десяти раз.

– Да, мисс Холли.

– Можно взять твой телефон?

– Конечно.

Он достает его из бокового кармана сиденья и протягивает мне, не отрывая при этом взгляда от дороги.

– Спасибо.

Я возвращаюсь на свое место и кладу большой палец на клавиши телефона. Я смотрю на номер, написанный у меня на ладони, и осознаю, что я должна была бы позвонить Крейтону, а не Тане.

– Но он даже не позвонил тебе, – говорит мне моя обида.

Это правда, но все же...

Я откидываю голову на спинку сиденья, осознав, что даже если бы я хотела позвонить Крейтону, я не помню наизусть ни одного из его номеров. И навряд ли в справочной мне скажут номер его телефона. Я могу набрать в Гугле «Карас Интернэшнл», но где гарантия, что меня соединят с ним? Даже когда у меня был номер его телефона, его секретарша сначала не поверила, что я – его жена.

Так что мой единственный шанс – вернуть свой телефон.

Я набираю номер Таны, и она отвечает мне лишь с третьей попытки.

– Алло? – В ее голосе звучит неприкрытая подозрительность, и я осознаю, что она не узнает номер, с которого я звоню. К тому же сейчас уже почти полночь.

– Это я, Холли. Прости, что звоню так поздно.

– Ерунда. Не беспокойся. Ты же знаешь, что я в любом случае ложусь очень поздно. В чем дело? Этот парень уже разыскал тебя?

Я закрываю глаза. Черт, если бы Крейтон и хотел разыскать меня, я думаю, что даже ему это не удалось бы. Я нахожусь в автобусе, который едет в город, не значащийся в графике моих гастролей.

Но, с другой стороны, я не знаю, какие в его распоряжении есть средства и захочет ли он прибегнуть к ним, чтобы найти меня. Надежда согревает мое сердце. Та надежда, которая зародилась во мне, когда мы сидели на обеденном столе и ели суши. И я до отчаяния хочу, чтобы он бросился за мной в погоню с извинениями.

– Холли?

– Прости, я немного пьяна после всего этого виски, и ты можешь винить за это Буна.

– Ох, этот парень очень крут. Если бы ты не была замужем за миллиардером, я посоветовала бы тебе увести его от этой сучки, его подружки, хотя я не одобряю браконьерства ни на каком уровне. Но это не имеет значения. Итак, ты позвонила своему парню?

– Нет, потому что я забыла телефон дома, как я полагаю, а все его номера были записаны в нем. Могу я попросить тебя об огромном одолжении?

– Черт, ты же знаешь, что можешь просить меня о чем угодно, детка.

– Можешь ты поехать ко мне завтра утром, набрать номер моего телефона и отыскать его? А если ты его найдешь, не могла бы ты отправить его по почте в Даллас? Я могу прислать тебе адрес.

– Конечно. Хотя, если бы я так не любила тебя, я бы сказала тебе, что для таких поручений у меня есть личная помощница. Ты моя должница, девочка. Я хочу, чтобы ты пригласила меня на роскошную вечеринку, когда ты и твой миллиардер помиритесь. Или, может быть, на неделю в Париж. Я слышала, что у него там есть собственность.

В Париже? Я этого не знала.

- Прости, что прошу тебя об этом. Ты же знаешь, я не стала бы беспокоить тебя, если бы у меня был еще кто-то, кому я могла бы доверять.

- Я просто дразню тебя, малышка. Я позабочусь обо всем завтра утром.

- Спасибо тебе, Тана.

- Но я хочу сказать тебе одну вещь.

Я напрягаюсь.

- Давай.

- Готова поспорить, что ты уже жалеешь, что не написала в этой записке больше, чем просто «прощай».

- Это подразумевает фразу «Я же тебе говорила».

- Прости, малышка. Но это правда.

- Может быть, он еще пока не осознал, что меня нет, - говорю я, размышляя, возможно ли, что так все и обстоит.

- Полагаю, что этот мужчина найдет тебя раньше, чем ты его, - отвечает она. - Он не похож на человека, который будет долго терпеть то, что его жена пропала.

- Полагаю, мы это скоро узнаем.

Я надеюсь, что она права, и меня снова преисполняет надежда, смешанная со страхом. Я все испортила, но и Крейтон не невинный младенец.

- Мне пора идти, - говорю я. - Мне нужно проспаться после виски, чтобы утром я могла мыслить здраво.

– Хорошо, детка. Иди проспись. Поговорим позже. Я люблю тебя.

– Я тоже люблю тебя, Тана. Спасибо тебе.

Мы отключаемся, и я возвращаю Чезу его телефон.

– Спасибо, Чез. Я собираюсь отправиться на боковую.

– Конечно, мэ. Спокойной ночи.

Я слишком устала, чтобы поправлять его, и направляюсь к спальне, расположенной в хвосте автобуса. К моему удивлению, никто еще ее не занял.

Я стягиваю джинсы, забираюсь на огромную кровать и накрываюсь простыней. У меня нет с собой пижамы, так что я сплю в футболке и трусиках. Но, учитывая, что мои коллеги уже видели меня в этом, а возможно, и в более откровенных нарядах, меня это не волнует. Они все женаты или состоят в длительных отношениях. И к тому же настоящие бродяги, которые отправлялись на гастроли больше раз, чем я могу вообразить.

Шуршание шин по асфальту убаюкивает меня, и перед тем, как погрузиться в сон, я думаю о том, не подпадает ли мой отъезд под какие-то пункты брачного соглашения, позволяющие Крейтону расторгнуть наш брак.

Ладно, если совсем честно, это неправда. Последней мыслью, прежде чем я погрузилась в сон, стала мысль о том, что это причинит мне нестерпимую боль.

Глава 4

Крейтон

Когда я захожу в квартиру, там очень тихо. Я рассчитывал прийти домой почти восемь часов назад, но атмосфера на переговорах накалилась, и я не мог встать из-за стола, не потеряв преимуществ, которых я достиг.

Если кто и может заключить соглашение просто усилием воли, так это я. И выиграть это дело было чертовски важно, и, когда передо мной маячила победа, я уже не мог позволить чему-либо встать на моем пути. Хотя это был не самый крупный в денежном отношении контракт из всех, которые мне приходилось заключать, у меня не было контракта, который бы значил для меня так много. Предварительные соглашения, включая жесткое соглашение о конфиденциальности, были подписаны, и я весьма доволен собой.

Мне не терпится найти Холли, и я направляюсь в спальню, но там темно. Я подхожу к кровати, рассчитывая увидеть ее, свернувшуюся клубочком посередине, но обнаруживаю лишь несмятые простыни.

Я включаю настольную лампу, сам не зная зачем. Я и так вижу, даже в темноте, что комната пуста.

– Холли?

Молчание. Я перехожу из комнаты в комнату, везде включая свет.

Но Холли нигде нет.

Одежда здесь. Гитара здесь. Но ее здесь нет.

В прошлый раз, когда я вернулся домой и ее здесь не было, я смертельно испугался, решив, что она оставила меня. Но это было прежде. Последние пару дней... Ну, мы немного разобрались со всяким дерьмом, и то, что началось как сумасшедший каприз, стало казаться чем-то, что может сработать.

Я к тому же только что поставил крупную сумму на то, что это сработает, хотя это не важно.

Наконец я захожу в кухню и включаю свет. Разлинованный лист, вырванный из блокнота, лежит посреди столешницы.

Два слова.

Просто два, мать их, слова.

Прощай, Крейтон.

– Ты, должно быть, шутишь со мной, – рычу я. – Это еще что такое?

В прошлый раз я подумал, что она бросила меня, и оказался неправ. Но на этот раз я не знаю, как могу быть неправ, когда все ясно написано на этой проклятой бумаге. Кредитная карта, которую я дал ей, лежит рядом с запиской. И это само по себе говорит о многом.

– Черт. Ни за что. – Не знаю, почему я разговариваю с пустой комнатой, но я не могу остановиться. – Она не может бросить меня. Я еще не закончил с ней.

Я хватаю свой телефон и нахожу ее номер. Я нажимаю кнопку «набрать». И сразу же включается автоответчик.

Я снова и снова набираю ее номер, раздражаясь все больше, когда звучит ее голос:

– Это Холли. Вы знаете, что делать.

Не знаю, сколько раз я звонил ей, пока наконец не оставил на ее телефоне сообщение.

– Холли, это твой чертов муж. Где ты, черт побери? А если ты думаешь, что покончила со мной, ты чертовски ошибаешься, дорогуша. Лучше готовься, потому что я, черт возьми, иду за тобой.

У меня в голове мелькает мысль, что я могу получить приз за количество вариаций слова «черт», которые употребил. Я вешаю трубку и звоню Кэннону.

– Чувак, контракт подписан. Ты лучше не тяни теперь, – говорит он, даже не сказав «алло».

– Она ушла, – говорю я без преамбулы.

– Что?

– Она ушла, черт возьми. Оставила записку, в которой говорит «прощай». Она ушла, черт побери!

– Вот дерьмо. Может быть, забудем о нашем пари?

– Я звоню не поэтому. Это всего лишь деньги. А я хочу вернуть свою, мать ее, жену. Так что найди ее.

Кэннон откашливается.

– Э-ээ... она звонила. Сегодня днем, но я знал, что ты не хочешь, чтобы тебя беспокоили.

Не веря своим ушам, я замираю.

– Повтори, пожалуйста.

– Она звонила. Я сказал ей, что ты занят.

– И что она сказала? – с трудом выговариваю я.

– Ничего. Она просто... повесила трубку. – Я слышу, как Кэннон начинает яростно стучать по клавиатуре. – Я напущу на нее нашего парня. Я отслежу ее кредитные карты.

Мой мозг, утомившийся после долгих часов борьбы за столом переговоров, снова оживает.

– Тебе придется отследить ее личные карты, потому что она оставила ту, которую я дал ей.

– Твою мать. Это плохо. Или хорошо? Твою мать, я и сам не знаю. По крайней мере, она не истратила кучу денег, предоставив тебе оплачивать ее счета.

– Учитывая, что она оставила все вещи – одежду, обувь, чертову гитару – я не удивлен.

То, что она оставила гитару, задело меня больше всего. Это гигантская оплеуха мне, если я что-то понимаю.

И именно гитара становится тем импульсом, который пробуждает мою память. Черрррт!

Я подвел ее. Ее гастроли. Она должна быть там. Я даже не вспомнил об этом. Она понятия не имеет, что я сделал для нее... и она бросила меня.

– Я позвоню тебе, когда что-то узнаю, – говорит Кэннон.

– В этом нет необходимости. Она вернулась в Нэшвилл. Подготовь самолет. Я хочу вылететь через час. Позаботься о том, чтобы на взлетной полосе меня ждала машина. И пришли мне на телефон ее чертов адрес.

Последние слова кажутся мне унижительными. Учитывая, что я должен был бы знать адрес своей жены. Но меня не настолько это интересовало, чтобы я спросил ее об этом. Потому что я был более чем удовлетворен тем, что она была в моей постели, в моем чертовом пентхаусе, и меня не интересовало, какую жизнь она вела до меня. И это, очевидно, было огромной чертовой ошибкой.

– Все сделаю, парень. Секунду – самолет готов к вылету. Капитан Джим ждет указаний.

Конечно, ждет. Потому что я забыл. Я потираю виски и закрываю глаза.

– Скажи капитану, что я скоро буду.

– Хорошо.

Я вешаю трубку и направляюсь в спальню. Вся одежда, которую по моему распоряжению прислали для Холли, словно смеется надо мной, пока я пакую чемодан. Я понятия не имею, что я должен упаковать для того, чтобы валяться у нее в ногах, и я ни разу не был на концерте музыки кантри. А поскольку у меня нет фланелевых рубаш и ковбойских сапог, я бросаю в чемодан джинсы, футболки, несколько костюмов – потому что никогда не знаешь, когда они тебе могут понадобиться – и все остальное свое дерьмо.

И я выхожу из пентхауса менее чем через десять минут. Я собираюсь найти свою жену.

В Нэшвилле, за несколько часов до рассвета, я паркую арендованный «мерседес» у тротуара перед многоквартирным домом, который уже пережил свои лучшие дни.

И это здесь живет Холли?

Моя злость на ее студию возрастает по экспоненте. Они делают на Холли огромные деньги, а она не получает почти ничего за свою работу. Сволочи. Но это скоро изменится.

Подойдя по растрескавшемуся асфальту к крыльцу, я читаю имена жильцов рядом с дверью. Прежде чем я нажимаю на кнопку звонка, кто-то выходит и придерживает дверь, чтобы впустить меня. Так что я могу направиться прямо наверх, потому что гребаной охраны здесь нет.

Если верить табличке на входной двери, квартира Холли располагается на четвертом этаже, под буквой «Е». А на дверях лифта висит объявление «лифт сломан», написанное выцветшим черным маркером. Можно лишь догадываться о том, как долго висит это объявление. Но одно мне чертовски ясно – Холли больше не проведет ни одной ночи в этой дыре.

Я взбегаю по лестнице, перепрыгивая через три ступени, и стучу в дверь. Вежливо, насколько могу.

И жду.

Никакого ответа.

Я снова стучу. Уже не так вежливо.

Ответа нет, и я принимаюсь колотить в дверь.

– Холли, открой эту чертову дверь!

Дверь напротив приоткрывается, и высовывается белобрысая голова в дредах.

– Эй, ты, уймись. Некоторые здесь пытаются уснуть.

Не обращая внимания, я продолжаю колотить в дверь.

– Ее здесь нет, парень. И я не думаю, что она скоро вернется.

Судя по графику гастролей, которые Кэннон прислал мне по электронной почте, они должны были прибыть в Даллас лишь послезавтра к вечеру.

Я поворачиваюсь к укурку.

– Откуда ты знаешь, что ее там нет? И откуда ты, черт возьми, можешь знать, что она нес скоро вернется?

– Уймись, братишка. Я видел, как прошлым вечером она выходила из квартиры с чемоданом в руках.

Я не спрашиваю, почему он смотрел, как Холли выходит из квартиры с чемоданом, потому что это не имеет значения. Она больше не вернется сюда и не увидит этого парня.

Выйдя из дома, я звоню Кэннону.

– Она уже уехала. Выясни, где они выступают.

– Уже выясняю.

– Сейчас же. Пока я жду на трубке.

– Я же сказал, уже выясняю, Крей. Постой, я кое-что нарыл. Похоже, у них незапланированный концерт.

Я забираюсь в «мерседес» и тащу свою задницу к самолету.

Глава 5

Крейтон

– Ты что, смеешься надо мной? – спрашиваю я у охранника, стоящего между мной и дверью, ведущей за кулисы театра «Мажестик» в Сан-Антонио.

– Никто не имеет права входить сюда без пропуска, а у тебя пропуска нет.

– Но моя жена находится там.

– Мне на это наплевать, парень. У тебя нет пропуска. Позвони ей, чтобы она принесла тебе пропуск, тогда сможешь сюда войти.

Учитывая, что Холли все еще не ответила ни на один мой звонок, мне неловко признаться, что такой выход мне не подходит. Я провел в Сан-Антонио целый день, пытаюсь разыскать ее, и мое терпение уже на пределе. В зале гаснет свет.

– Шоу начинается, парень. Иди, сядь на свое место, пока тебя отсюда не вывели.

Я собираюсь возразить, но в это время на сцене загорается свет, и очень толстый мужчина, одетый в футболку с логотипом радиостудии, выходит из-за кулис с микрофоном в руке.

– Вы готовы к встрече с этой маленькой леди?

Все кричат, но, по-видимому, этой реакции ему недостаточно.

– Я спрашиваю, готовы ли вы к встрече с Холли Викс?

Толпа кричит еще громче, и я решаю, что охранник дал мне неплохой совет. Мне лучше занять свое место, потому что, похоже, я наконец нашел свою жену.

Мне пришлось покупать билет у спекулянта у входа, потому что в кассе билетов уже не было. Но мое место находится во втором ряду, так что я не собираюсь жаловаться. Отойдя от охранника, я пробираюсь на свое место и обнаруживаю, что с одной стороны от меня сидят три вопящих девчонки, а с другой – женщина средних лет, которая вовсе не разделяет их восторга. Но мне на них наплевать, потому что конференсье объявляет:

– Тогда поприветствуем мисс Холли Викс так, как мы умеем это делать здесь, в Сан-Антонио.

Свет на сцене гаснет, и раздается барабанная дробь. К ней присоединяются звуки одной гитары, потом второй, и на сцене снова вспыхивает свет.

А вот и она.

Моя чертова жена.

На ней крохотная черная кожаная юбка, сапоги из серебряной кожи, отделанные бахромой и достигающие ей до середины бедра, и обтягивающий серебряный топ. Ее волосы еще пушистее, чем я когда-либо их видел, а тонны макияжа с блестками придают ей вид местной старлетки.

– Эй, Сан-Антонио! Сегодня вечером вы бесподобны!

Я не помню, чтобы она говорила со мной с таким сильным акцентом. Он редко проявляется в моем присутствии, и мне кажется, что она пытается скрыть его. Но мне не нравится мысль о том, что моя жена что-то скрывает.

Мои мысли улетучиваются, когда сидящие рядом девчонки начинают визжать на такой высокой ноте, которую едва может уловить человеческое ухо. Я слышу, как они кричат:

– Холли, мы любим тебя! Холли, ты клевая!

– Я тоже люблю вас, красавицы! – кричит Холли. А потом начинает играть ритмичную мелодию.

Даже я узнаю эту мелодию, потому что ее крутят в рекламе на радио уже несколько месяцев. Большая часть зрителей поднимается с места, а многие из них подпевают ей.

Я остаюсь сидеть, пожирая глазами женщину, стоящую на сцене передо мной.

Я помню, как она пела в душе, и в сравнении с тем, что происходит сейчас, это было все равно, что слышать, как Бетховен играет один из своих шедевров на игрушечном пианино. Абсолютно никакого сравнения.

Холли чертовски талантлива.

И она принадлежит мне.

Толпа любит ее – включая парня, стоящего с плакатом, на котором написано: «Холли, выходи за меня замуж!»

Она не может выйти за тебя, придурок! Она уже замужем за мной.

И в этот момент я осознаю, что ревную. В первый раз в жизни ревную. И к кому – к подростку, который стоит с чертовым плакатом.

Но не может быть, чтобы я испытывал ревность. Я никогда не ревную. Это неприятное чувство, и мне оно не нравится.

Холли исполняет всего пять песен, потом благодарит толпу и покидает сцену, помахав рукой на прощанье.

Я мог бы слушать ее и смотреть на нее всю ночь. Звук ее гитары околдовал меня, а сексуальные слова ее песен казались сексуальнее, когда я замороженно смотрел на ее красные губы и покачивающиеся бедра.

Думаю, я только что стал фанатом кантри. Кэннон теперь не оставит меня в покое.

Когда в антракте включается свет в зале, я встаю со своего места и направляюсь к охраннику. Я достаю свой бумажник, вынимаю две сотенных купюры и останавливаюсь около него.

- Только не начинай, - бормочет он. - Парень, вали отсюда.

- Ты видел женщину, которая только что была на сцене?

Он кивает с таким видом, будто этот разговор ему уже наскучил.

- Это моя жена.

Он бросает взгляд на мою руку. Я думаю, что он смотрит на деньги, но его слова доказывают, что я неправ.

- Тогда где твое кольцо?

Я хмурюсь. Я принес кольцо Холли в гостиницу накануне Нового года. И я даже не задумался над тем, чтобы купить кольцо и себе. И Холли ничего не говорила по этому поводу.

И в эту минуту я понимаю, что мне хочется, чтобы Холли хотела, чтобы я носил кольцо. Почему, черт возьми, она до сих пор не поднимала эту тему?

- У меня нет кольца. Мы только что поженились. Ты, возможно, читал об этом в газете. Я Крейтон Карас.

Он приподнимает черную бровь.

- Ты тот самый миллиардер?

- Да.

Он склоняет голову набок.

- Да, возможно, это ты.

Я показываю ему свои водительские права.

- Это точно я.

- Но все равно я не могу пустить тебя за кулисы без пропуска. Так что убери свои деньги, мистер.

Я крепко сжимаю зубы.

- Но ты можешь подождать ее около автобусов после концерта. Она пойдет туда, и ты сможешь с ней поговорить. Если она захочет, она скажет своим охранникам, чтобы тебя впустили в автобус.

Я пытаюсь отдать ему деньги, но он отмахивается.

- Нет, мистер. Меня уволят, а мне нравится моя работа.

Ну что ж, это справедливо.

- Спасибо тебе за совет.

- Лучше купи пива и посмотри оставшуюся часть концерта.

- Непременно.

И так я и поступил.

Глава 6

Крейтон

Четырьмя бутылками пива и двумя отделениями концерта позже я наконец обхожу здание театра, чтобы подкараулить там Холли. И то, что я там вижу, удивляет меня. Я не говорю о тяжелых металлических ограждениях, отделяющих поклонников от их кумиров. Это меня не удивляет. Нет, меня удивляет толпа полураздетых женщин, толкающих друг друга, чтобы пробраться ближе к этим ограждениям. Охранники стараются сдерживать их натиск, но женщины кричат, что хотят увидеть какого-то парня, которого зовут то ли Бун, то ли БТ или что-то в этом роде.

Я как можно вежливее пробираюсь к краю баррикады, потому что не хочу расталкивать женщин. Но в то же время я не хочу упустить Холли, пусть даже я и чувствую себя чертовски смешным, поджидая ее в толпе этих сумасшедших фанаток.

Наконец служебная дверь открывается, и группа охранников, за которыми следуют артисты, выходит наружу. Женщины начинают вопить, и я поднимаю руки, чтобы заткнуть уши, и тут вижу Холли.

Я выкрикиваю ее имя, но недостаточно громко. Она не слышит меня. Еще дюжина футов, и она окажется совсем рядом со мной.

Но по мере того, как она приближается ко мне, во мне вспыхивает ярость, когда я вижу, что парень, выступавший последним, – этот Бун – обнимает ее за талию и прижимает к себе.

Что это, черт возьми?

– Холли.

На этот раз я говорю это громче и суровее.

Парень убирает руку с ее талии и подходит к ограждению, чтобы поставить свой автограф на груди какой-то женщины. Ну и тип! Холли тем временем продолжает идти к автобусу.

– Холли!

Она резко останавливается, поворачивается, и ее глаза расширяются, когда она видит меня. Она спотыкается, и какой-то парень подхватывает ее, чтобы не дать упасть. И это нравится мне не больше, чем то, как этот Бун обнимал ее.

На ее лице появляется настороженная улыбка, и она подходит к ограждению. Пишущий на груди гений приближается к ней и останавливается прямо передо мной.

– Ты в порядке, сладкая? – спрашивает он у нее.

Холли открывает рот, чтобы ответить, но я опережаю ее.

– Она в порядке. Просто не знает, почему ее муж стоит в толпе фанатов.

Он с интересом смотрит на меня.

– Так, значит, вы тот самый муж, да?

– Да, я тот самый муж.

Он смотрит на Холли.

– Ты не говорила, что он приедет.

– Я сама этого не знала, – тихо отвечает она.

– Как насчет того, чтобы перенести теплую встречу в автобус? – спрашивает Бун.

Холли кивает, и он делает знак охраннику.

– Отведите его в мой автобус. Мы будем там через пять минут.

Охранник перепрыгивает через ограждение и ведет меня в обход толпы к автобусам. Он стучит в дверь, она открывается, и я поднимаюсь по ступеням в автобус.

В автобусе вовсе не такой бардак, как я ожидал. Помимо коробки с пустыми банками из-под пива и нескольких пустых бутылок из-под спиртного, мусора не так много. На сиденьях и на столе лежит какая-то одежда, барабанные палочки, блокноты, медиаторы и пульта управления видеоиграми.

Я стою рядом с водителем и жду.

Проходит больше, чем пять минут. В нетерпении я выглядываю в затемненное окно и наблюдаю за их медленным приближением. Они раздают автографы и фотографируются с фанатами в нелепых позах. Наконец двери автобуса открываются, и Холли взбирается по ступеням внутрь.

Я уже расположился на сиденье и размышляю, что ей сказать. Но она опережает меня.

– Что ты здесь делаешь? – спрашивает она без прелюдий.

– Разыскиваю свою жену, – отвечаю я.

Она что-то бурчит в ответ.

– Прости?

– Я говорю, что я удивлена.

Моим первым побуждением было встать на свою защиту. Но что толку? Я обделался и сам это знаю. Но это не значит, что я не злюсь на нее из-за того, что она не подождала меня чуть дольше, прежде чем просто взять и уйти.

Я решаю, что мне лучше всего извиниться. Это совсем не в моем стиле, и я удивлен, как легко делаю это.

– Прости меня, Холли. Я обещал тебе прийти вовремя и не пришел.

Ее рот приоткрывается, и я мгновенно представляю себе все те вещи, которые хотел бы проделать с этим ртом.

В этот момент в автобус поднимаются другие участники гастролей, прерывая наш разговор.

– А вот и парень, который знает, как вымалывать прощенье. Я записываю твои слова, чувак, на случай, если окажусь в таком же дерьме.

Бун идет по проходу, протягивая мне руку, покрытую татуировкой в виде кастета и черепов.

– Бун Трэшер.

Я поднимаюсь и окидываю его оценивающим взглядом, как мужчина мужчину.

– Крейтон Карас.

Мы пожимаем руки, стараясь не сдавливать пальцы друг друга слишком крепко, чего я не ожидал от парня с вытатуированным кастетом.

На нем все еще рваные джинсы, камуфляжная бейсболка и высокие сапоги, в которых он выступал на сцене. Хотя он надел новую футболку, потому что старую он сорвал с себя посреди выступления.

– Обращайся с этой девочкой хорошо, слышишь? Или ответишь мне.

Глаза Трэшера впиваются в меня, и его слова звучат сурово.

Я хочу сказать ему, что это не его собачье дело, но останавливаюсь. Честно говоря, я рад, что у нее есть кто-то, кто настолько хорошо относится к ней, чтобы угрожать мне. И до тех пор, пока его чувства чисто платонические, у нас с ним не будет проблем.

– Спасибо за предупреждение. Я рад, что у Холли есть друг, прикрывающий ее спину.

Он улавливает ударение, которое я делаю на слове «друг».

– Не беспокойся, парень. У меня есть своя женщина. Не собираюсь клеиться к твоей. – Он наклоняется ближе ко мне и добавляет: – Кроме того, если бы я захотел увести ее, у тебя не было бы шансов.

Его самоуверенность тут же вызывает во мне желание ударить его кулаком по физиономии, но Холли фыркает, очевидно, уставшая от мужских разборок между мной и Буном.

– При всем уважении к тебе, с этим я не соглашусь, – говорю я, намереваясь завершить на этом нашу беседу.

Его громкий смех разносится по автобусу. Я отступаю на шаг и жестом собственника обнимаю Холли.

Трэшер с улыбкой говорит:

– Ты, возможно, сойдешь, парень. Решительно лучше, чем этот говнюк Джесси. – Он поднимает руки. – Мне плевать, если кто-то предпочитает член вагине. Каждому свое. Но мне не нравится, что он использует Холли, чтобы притвориться, будто это не так. Если ты достаточно смел, чтобы трахать другого мужика в задницу, ты должен быть и достаточно смел, чтобы признаться в этом своим фанатам. Или, во всяком случае, не заставляй студию прикрывать твою задницу. Но это мое личное мнение. Не то чтобы это имело какое-то значение.

Ну что же, этот парень мог бы мне понравиться.

- Я, безусловно, разобрался с этой ситуацией.

- Очень прямолинейно. Мне нравится твой стиль, парень.

Я киваю, горя желанием поскорее закончить этот разговор. Холли сейчас рядом со мной, а это значит, что я хочу лишь одного – остаться наедине с ней, чтобы кое-что прояснить. А именно то, что она больше не должна никогда уходить от меня, оставив записку всего лишь из двух слов. В идеале – вообще уходить от меня.

- Ну, нам пора убираться, чтобы не мешать тебе. Полагаю, что остальные члены твоей группы ждут, чтобы сесть в автобус?

- Они в автобусе для «открывашек».

Я смотрю на Холли, и она поясняет:

- Я делю автобус с другими ребятами, выступающими в первом отделении.

У меня в памяти всплывают четыре огромных бородатых мужика, похожих на лесорубов, которые вышли на сцену после Холли и играли на множестве инструментов.

- Ты делишь автобус с четырьмя мужчинами?

- С семьей, если считать парней из моей группы.

- С сегодняшнего вечера с этим покончено. Мы поедем в отель, а потом я доставлю тебя в Даллас.

- Я всегда путешествую со своей группой, – протестует Холли.

- А теперь ты будешь путешествовать со своим мужем.

Трэшер усаживается на сиденье, даже не притворяясь, что он нас не слушает. Более того, он решает поучаствовать в разговоре:

- Она путешествует вместе со всеми. Так у нас принято.

- Тогда она будет путешествовать в своем личном автобусе. А ее музыканты могут остаться с той другой группой.

Бун одобритительно кивает:

- Это подойдет. Тогда я смогу выкинуть из своего автобуса их ударника. Но тебе придется самому платить за это. Студия никогда на такое не пойдет.

- Неважно. Если бы ты не настаивал на том, чтобы она ехала в автобусе, мы остались бы ночевать в отеле, а потом полетели бы на самолете.

Трэшер качает головой и протягивает руку к бутылке «Джонни Уокер Блю Лейбл». По крайней мере, этот парень разбирается в виски.

- Это значит искушать судьбу, чувак. Слишком много хороших артистов разбились в авиакатастрофах. Я не признаю самолеты.

- Крейтон, - говорит Холли, прерывая нас, - нам нужно об этом поговорить.

Я смотрю на нее сверху вниз.

- Здесь не о чем говорить. Ты должна быть здесь, а я обнаружил, что не хочу, чтобы ты была здесь без меня.

Она сбрасывает с плеч мою руку.

- Ты не вправе принимать такие решения.

Я бросаю взгляд на Трэшера, которому не хватает только попкорна, судя по живому интересу, с которым он наблюдает за нашей беседой.

Я снова перевожу взгляд на Холли.

- Сегодня ночью мы будем спать в отеле.

Она прислоняется спиной к кухонному шкафчику и скрещивает руки на груди. Я солгу, если скажу, что меня оставило равнодушным то, как при этом движении приподнялись ее груди, обтянутые топом с открытыми плечами.

Мои глаза прикованы к ним, и я почти пропускаю мимо ушей ее следующую реплику:

– Мы трогаемся в путь через несколько минут и будем ехать всю ночь.

Мои губы вздрагивают, и я с трудом подавляю желание перегнуть ее через колено и отшлепать за дерзость. Но это должно быть сделано без заинтересованных свидетелей.

– В какое время ты должна быть на месте?

Холли предоставляет ответить Трэшеру.

– Если она будет там к полудню, я не возражаю. И если ты полетишь с ней на своем чертовом самолете, не говори мне этого. Я не хочу ничего знать. И я, черт возьми, не хочу искать кого-то еще для первого отделения концерта, если твой самолет упадет.

Я хватаю Холли за руку и притягиваю ее к себе. Она шумно выдыхает от прикосновения к моей груди. Она поднимает руку и впивается мне в плечо. Нам следует как можно скорее убраться из этого автобуса, прежде чем я забуду, что мне не нужны чертовы свидетели.

Не отводя взгляда от ее широко раскрытых карих глаз, я говорю Трэшеру:

– Увидимся завтра в полдень, Трэшер.

Глава 7

Холли

Крейтон открывает двери гостиничного номера и пропускает меня вперед. Я включаю свет и бреду в комнату. Мы не разговаривали с того самого момента, когда зашли в автобус для «открывашек», и Крейтон сказал, чтобы я упаковала свой чемодан. И когда я говорю «сказал», я имею в виду «приказал».

И в течение всего этого времени меня переполняют смешанные эмоции, пока я наконец не начинаю чувствовать, что готова взорваться. Шок борется со злостью, а злость с возбуждением.

Я не знаю, какие чувства я должна испытывать. Радость оттого, что он объявился? Или боль оттого, что он забыл про меня? Или негодование оттого, что он пришел и начал распоряжаться моей жизнью?

И я не могу остановиться на какой-то одной эмоции, чтобы прочувствовать ее, не говоря уже о том, чтобы облечь ее в слова. И как обычно, в моей голове начали зарождаться слова песни, но они, как и мои чувства, еще неопределенны.

Вот что делает со мной Крейтон, и я не уверена, нравится мне это или нет. Разве не работает известное выражение: жизнь начинается там, где заканчивается зона комфорта? Потому что знаете что? Я живу по-настоящему сейчас, потому что я так далека от зоны комфорта, что не уверена, смогу ли когда-нибудь вернуться в нее.

Все эти последние месяцы я пробовала что-то новое и пыталась обрести свое «я», так что, может быть, сейчас мне предстоит сделать еще один шаг в этом направлении. Одно я знаю точно: я не хочу потерять себя, сдавшись на милость такому властному и подавляющему мужчине, как Крейтон Карас. Что бы ни случилось в дальнейшем, я должна упорно держаться за свое «я», потому что я тоже что-то значу. В этих отношениях участвует не только он один. Если наше общение продлится после этой прошедшей в молчании поездки в отель, нам нужно внести в это полную ясность.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Персонаж культовых эротических книг Э. Л. Джеймс «50 оттенков серого», «На 50 оттенков темнее», «50 оттенков свободы».

Купить: https://tellnovel.com/march_megan/porochnye-udovol-stviya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)